

Быть тебе, девица, нашей: сама виноватая.

— Марыся!!! Горюнуч опять воротился!!!

— Да чтоб... — и глотка могучей Марыси помогла ей выдать всё, что она думала и об этой повторяющейся из месяца в месяц напасти, и о том, где же она всё это видела и видеть бы хотела.

Мужики опять ушли на полевые; бежать за ними — значит, срывать работы, донимать нескончаемой бедой, вызывать раздражение и усталость; не на девок даже (хотя — кому достаётся первым, девкам, конечно), а просто на то, что эта беда не знает отдыха и не знает способа убийства своего. Зато была Марыся; Марыся — сила, Марыся — та, кто справится лучше и мужиков, и баб. Мужики вон ровно то самое делают, а змей не умирает, а кусает, и убивает тотчас же; но Марысе подчиняется враз и дохнет отлично. Но это так, временно: то просто очередная отсрочка, пока двенадцатиголовая, обросшая шерстью тварь не вернётся снова.

Перехватив поудобнее вилы, Марыся направилась по указанию бабы; огород Агафьи — ага, знает, сволочь, к кому идти, у неё ж мужика рекрутировали, она всё слёзы льёт. Горюнуч не огненный, но словно чувствует, где бабе мужик нужен — и ползёт, гад, ползёт. Огород сжирает, и девку... в общем, да.

Марысе не повезло родиться неудачливой в бабьем плане; здоровая, конечно, в своё время мужики чередом стояли, даром что всех на голову выше, а вот... Замуж вышла — семь померло, ещё замуж — десятеро. Ни одного в живых. Первый муж хоть любил до потери памяти, пока не иссох, а вот второй поколачивать пробовал — но двухметровую-то поди поколотить. Да там и не все его были: у того хрен когда как работал, а другие, что в Марысю влюбились, всё ж активнее были. Но — не судьба.

Ну, щас без мужика, хотя кто-то там даже сватается (дурак, дважды без мужа, детей не рóдит — ну куда тебе, куда, спрашивается), зато мастерица нечисть гонять, пока мужиков нет. У них есть на селе колдун, но он такой... болтай, в общем. То сам выпустит, то цену заломит. А Марыся-то решительная, всё знает.

Вот пришла ко двору — всё как будто месяц все вымерли: козы разбрелись, огород зарос и зачах, трава чёрная, как гнилью покрытая, коромысла, корыта, брёвна в плесени. Ладно Горюнуч девок берёт, иной раз бывают лишние — от него же мрёт всё. Он ядом наполнен, и потом везде, из каждой башки, из каждого туловища течёт.

Ладно.

Дверь достаточно было толкнуть, чтобы открылась; засовы, спрашивается, для кого придуманы? Думала Марыся высказать Агафье, что ей делать следует, чтобы башку прочистить, но затем вошла, и поняла — нечего там прочищать.

Всё, с концами баба.

Змей как будто чуть крупнее стал; растёт, с-с-сволочь. Вот полгода назад появился, маленький совсем был, а теперь — ну, тоже не крупный.

Говорят, у Киева здоровенная такая махина, с терем или больше – да вот только это вряд ли Горюнуч. Там как ящерица, но головы три; а их Горюнуч – куча спутанных в единый клубок змей, в котором неясно – одно у него тело, двенадцать, сколько вообще. Они даже не все вместе одинаково ползали, но всё равно представляли единое нечто. Остальные головы живут, если одну отрубить, потом, в будущем году, на месте отрубленной две вырастало – в общем, глупое это дело, рубить. Только протыкать и сжигать, и никак иначе.

Сейчас он чуть меньше собаки; змеи чёрные, зелёные, не шипят, как черви сплелись; а под ними Агафья в одной рубашке. Голая совсем считай.

Мда, дела.

Не слушая крики, Марыся направилась к телам и схватила Горюнуча за место, где змеи сплетались в узел. Было ли это тело его – а дёрт знает, может да, может, куча в одно запуталась и стала как бы одним чудовищем. Это хвосты скорее были, так что головы повернулись и попытались цапнуть (не выйдет, Марыся в прихватках с проложенным металлом, специально с кузнецом для неё такие сделали); но, куда хуже, Агафья схватила их все и заверещала что свинья резаная.

— Пусти, дура! Пусти!!!

— Не отпущу-у-у! Уходи, бледь, сука, – и дальше по матушке, кто б знал, что все слова такие вспомнит. Она ж василёк совсем, глазки долу.

Ах, дёрт бы её, разъединить бы.

Хотя Марыся говорила, что девки лишними бывают – это так, но вообще девки – ресурс ценный. Ладно руки рабочие, хотя в хозяйстве не пропадут, но – детей откуда брать? Да и по-человечески жалко: ладно когда малыши умирают – тоже нехорошо, но привычно, но взрослые-то совсем плохо.

Горюнуч по девкам охоч; никого не ест, а вот девок жрёт. Хотя жрёт ли? Да наверняка; то ли похищал, то ли уходили сами – по-разному было, там не угадаешь. Где их логово – да дёрт его знает, по следам не сыщешь: он, конечно, сущее убивает, но прячется хорошо; не поймает сразу – не поймает более никогда. А если девка сама ушла – так она ж ещё прятаться будет...

Чем он их завлекал? Как влюблял? Огненный вон мужем прикидывается, если вдова там, солдатка, кто ещё. А тут – ну не человек, не выглядит человеком, девки сами знают, что змея. Может, морочит: их ж не расспросишь. Они же не скажут: «Вон, мужика нашла, смотри красивый, уведёшь – косы порву, сука», они знают, что это Горюнуч. И что, в змею влюбиться? В двенадцать? В слизью покрытую? Это ж какой душой быть?

А вон, да, влюблялись. Солдатка Агафья теперь.

Да чтоб её.

— Ладно, – сказала Марыся. – Ладно. Давай, вещи собирай, и проваливай с ним. Только чтобы в деревню более не ногой, слышала, мразь?

Глаза Агафьи округлилась: уж вряд ли думала, что Марыся, большая, brutальная, злая, как сто быков, так просто её отпустит. Агафья встала, отложила любовника своего, встала, пошла к сарафану...

А Марыся вдруг подняла вилы да насквозь тварь.

Визг истошный, так еретник кричит, когда протыкаешь, а не баба. Орал не Горюнуч – он что, он змея, что он там тебе завопит, – нет, Агафья голос подала, корова тупая. Кинулась на Марысю, но бабы с обеих сторон схватили; в ярости каждая девка сильная, но Агафью маленькая совсем – что она, против здоровых сделает?

А Марыся пронзала и пронзала Горюнуча, пока последний через не лопнул под вилами. Кровища страшная, чёрная; нехорошо такое дома дела, теперь сносить только: и сам сгниёт, и другие разрушит. Сжечь бы – ага, поджигай дом в деревянной деревне, дура. Нет, ломать и потом в костёр бросать нормально, выжить хоть как-то да можно...

Но на дворе, конечно, такое бы лучше.

— Бледица! – орала Агафья. – Сука ты недоёбанная, сука!

— Помолчала бы, потаскуха, – Марыся щас злая была, с ней бы не спорить – не переспоришь. – У тебя мужик на войну с туркой ушёл, а ты со змеей трахаться.

— Да люблю его, люблю-ю-ю!

Протыкать змея, разрезать его, начинять изнутри заговорёнными говёхами (говорят, помогает; ерунда, но лучше не хуже), а затем кидать в печь под рыдания и слушать ор Агафьи – мука мучительная; Агафью не затыкали даже мощные тумачи Марыси по лицу. Но Марыся терпеливая, надо так надо, переживёт. Главное самой не измазаться в ядовитой крови, нож переплавить, прихватки и платье сжечь, а дом на дрова пустить и только не порченное оставить.

Работы предстояло надолго. Агафья им не помощница, это ясно, да и всё, опорочена, такую гнать только, пусть сама к своей змее и идёт. Бабы начали корчевать отравленное, пускать под нож почерневших коз (даже козлёночка не пожалел, сволочь; кольнуло что-то в душе, даром всё равно б на суп пошёл), а пятна в доме окропили святой водой и отложили до завтра: как раз мужики в деревне будут, займутся.

Агафью обходили стороной, не только потому что тварь, от мужа к змее ушла, а ещё – мож, больная тоже, Горюнуч же ядовитый. Кто знает, коснёшься – и дошку подцепишь, и всё, и деревня вымерла.

— Ночь проведёшь – и проваливай, – это Акси́ня сказала, она тут главная по бабам. – Нам суки такие без надобности, дура.

— Мне б платье новое, – вздохнула Марыся; срам, стоит почти голая, но чё сделаешь, предпоследнее извела.

— Будет, будет, – закивала Паша. – Я девок своих напрогу, дня за четыре управимся. Не пропадёшь.

Агафья смотрела волком. Пока ещё светлая, но, говорят, от Горюнуча чёрной становишься, покрываешься пятнами – мрак. Как больная потом сидишь.

А, может, и есть больная. Здоровая к змее не пойдёт.
— Да чтоб сдохла ты, — прошипела она. — Чтоб сгинула с концами, сука.
Марыся фыркнула. Проклятье — это плохо, конечно, но она и так одна, и детей совсем у неё нет. И так пропадёт.
Напугала тоже. Сама пропадёт, бледь, хоть мужика за собой не утащит.

Ей что-то нашли — не по фигуре, смотрится дурой: юбка короткая, ноги голые, в плечах жмёт. Хотя вообще с самой дородной бабы сняли. Ну, куда денешься, другого и нет, только на праздники, а в таком работать не будешь. У неё ж денег мало, всё в хозяйство уходит...

Ничего, обещали бабы помочь, разобраться, в них верит.

Когда мужики вернулись, новости, конечно же, не обрадовались. Хотели Агафью вилами забить, но пожалели; да и неясно, вдруг кровь ядовитая, всё расплескает, ещё убирать потом. Заперли под замок, ну и на отдых.

Марысю не чествовали: менее чем за полгода почитай и работой стало, за что тут хвалить. Но денег дали. А ещё этот, один, богатый, подходит и говорит:

— Слушай, не дело одной. Ты вон баба красивая, сильная; к сыну давай, обручу? К четвёртому. Дурак он, зато красивый. Хоть помогать будет.

Марыся, конечно, подумала. Одной ей не очень-то жить, так, выживание, а мужик хоть какой в доме — это мужик хоть какой в доме. Этот, конечно, сам себе взять хочет, но женат, а сын у него — ну, дурак правда, да и что красивый сомнительно — видела она его. Старшие-то получше будут.

Но — у тех свои жёны. Дородные, не пустые. Этот — ну, куда его? Да бесполезный, слабый. Ничего сам не может.

Зато богатый. А деньги — хорошо.

Тем более что, старая она. Тут молодых вынь да положь, мало их, что ли; а она уже двух схоронила, старющая, детей нет и не будет — ну куда её?

Зато мощная, работает хорошо, денег в дом хоть сколько-то да приносит.

Ну, тут думать надо.

...да чего тут думать, бери, пока дают.

...а всё же хочется думать.

Поскольку сегодня она почти не работала, а только ковыряла Горюнуча, Марысе пришлось питаться тем, что осталось — а оставалось немного. Ячка, засоленная несвежая белужица — неплохо, в общем-то, для бобылки, но это последнее, что есть. Дальше только на собственном жнивие.

Лишь бы не пропало за ночь. Бывает и такое.

С появлением Горюнуча уже одинокую не обворовывали, даже помогали, но — этого мало просто: у дворовых своё хозяйство, и никто

благодеемием просто так заниматься не будет. А даже если будет – как сильно?

Нет, надо всё-таки замуж.

Спать Марыся легла чуть раньше обычного: устала как собака. Завтра своя работа, потом – помогать мужикам с домом Агафьи: она всегда приходилась к месту. Даром, что ли, родилась богатыркой.

Есть своя польза в том, чтобы быть огромной мужиковатой женщиной. Ещё бы это в брак и детей перетекало, было бы вообще счастье.

Ну, что поделаешь.

Никто не стучал, никто не скрёбся, никто не подзывал за дверью. Гость оказался в доме внезапно – и хорошо, что Марыся вовремя проснулась и схватила кочергу (успеет, не успеет накалить?). Гость, впрочем, сидел тихо, смиренно, внимания к себе привлекал только внешне: не проснулась бы – так и продолжил тихонечко себе восседать.

А хороший мужик, красивый. Сладкий, Марыся таких любила. В возрасте, не мальчик уже, но и не старый. Чёрномазенький. Это, конечно, плохо, но ему даже лучше стало; одежда тоже чёрная, зелёным лишь отдаёт... И только сапожки красные, с подкладом.

Ага. Пришёл, значит, к ней.

Вот как они его видят.

— Здравствуй, голубушка, – голос дивный, певческий, хотя и не слишком уж высокий: мужикам такое никогда не идёт. – Покорми меня, что ли.

Марыся перехватила кочергу и направилась к гостю, однако тот приобнажил французскую саблю. Ага, вооружённый, значит. Не только лишь ядовитый.

Сабля – это, конечно, опасно. Но кочерга всё же кочерга; только тут думать надо, как эту тварь обойти.

— Ты на меня не сердись, покорми просто.

— Нечем, сам сожрёшь.

— Да как же нечем? Посмотри в подполы.

Марыся намеренно не поворачивалась спиной к гостю, однако подпол открыла.

Что там было – слов не передать! Щи с ветчиной, каша гречневая с салом, борщ с солониной, ячка с маслицем – Господи, а мяса, мяса-то сколько!

Здравый ум Марыси говорил о том, что не то что есть – трогать это ни в коем случае нельзя. Живот, не видевший прежде такого пиршества, соглашался, но не от всей души, как говорится.

— Бери-бери. Сама не хочешь – не ешь, а мне такое любо весьма.

Любо... Как будто речи родной не знает, всё куда-то к былинам клонит.

Марыся, впрочем, достала щи с солониной и, разлив чутка по дороге, поставила. Нехороший гость совсем и не рассердился, а тихонечко засмеялся в усы:

— Ты хозяйка добрее, чем кажешься.

— Припёрся-то чего? — Марыся перехватила кочергу. Начнёт есть — ударит по шее, потом отходит по голове. Главное проломить, там полегче будет. Баба она мощная, мужикам порой от неё приходилось, даже тем, которые посильнее...

А этот-то тонкий, звонкий. Хотя и жилистый.

— Ты моих детей зачем убиваешь?

Детей, значит? Ага. Знач, не один и тот же.

— К нам ползут, скотину травят. Землю. Девоч, опять же.

— А что девочки? Девки сами уходят. Зачем же ты держишь?

— Да вы их по шесть за полгода берёте, у нас столько не нарождается.

— Да ну тебя, нарождаются. Сама сколько рожала.

— Ну? И мрут.

— У тебя мрут. А у других не мрут.

— Ладно девочки, но от вас же всё умирает, нехристи. Вы же твари, вы ж сатаны как один.

— Да ты в церкви давно не была, чего вдруг про сатану-то вспомнила?

— А что, не так? Неправа?

— Послушай, Марыся, — гость прихлёбывал щи ложкой, сверкая золотыми застёжечками в виде змей. Экий! — Я врагом тебе быть не хочу. Нам просто жена нужна...

— Так Агафью бери. Уже соблазнил, куда ж больше.

— Так ты ж сына моего убила, к кому она пойдёт? У баб чувства большие, раз влюбишься — всё.

— Ой, да хорош заливать. Я дважды замужем была, ты кому сказки рассказываешь?

— И что? Любила ли хоть кого?

— А какая тебе разница? Ну любила.

— А мне кажется, нет. Ты что! — снова приподнял саблю, когда Марыся чуть задрала кочергу. — Не злись ты на меня, выслушай. Нам жена нужна, а ты нам совсем не помогаешь.

— И не помогу. Вы ж уже скольких утащили, и не у нас лишь.

— У меня сыновей достаточно. Потом... потом мы спать у себя ложимся. С женой сидим, деток рóстим. Мы более не приходим.

— Мену предлагаешь? И сколько девчонок хочешь?

— Ты моих детей всех убила, я один остался.

— Лаской забрать? Смешной ты. — Марыся сплюнула. — Да даже одну бы не дала, и тебя бы убила.

— А убила бы?

Марыся вдруг ощутила, как за небольшим, с тонким станом тельцем гостя проступает огромный змей: двенадцатиголовый, обросший шерстью, гигантский клубок из свивающихся друг с другом гадов.

Не ввали, с терем размером. Но только чувствуется, не превратился пока.

— Ну, убила бы, – чуть потише ответила Марыся. – Или сама полегла. Но добром бы не отдала.

— Тогда бы деревня сгнила, и никого бы в живых не осталось. – Гость с удовольствием доедал густые жирные щи вприхлёбку. – Ты знаешь, морим мы хорошо.

— Я говорю, хочешь, Агафью бери. Мы всё равно её выгнали, она с сердцем ваша, с головой.

— Не-е-е... Я у сыновей ничего не беру. Я своих детей люблю, даже мёртвых. Вот ты своих любишь?

По больному прошёлся, гад.

— Не успела.

— Врёшь ты, Марыся. Успела. Каждого ведь помнишь.

— Мало ли их мрёт. У меня, у других, каждый месяц, неделю. Хоть кого-нибудь когда-нибудь да хороним.

— Ты хоронишь. Остальные в лесу прикапывают, а волки потом разносят.

— Что ты хочешь-то от меня? Чтобы я согласилась? Я не дам тебе никакую девку. Хочешь, просто в бой вступи, если с бабой не стыдно.

— А чего бы самой не уйти?

— Что?..

Марыся вся обмерла и чуть не упала на лавку. Она не умела никогда разговаривать по таким серьёзным делам, и потому не ждала предложения змея; да и сейчас чувствовала, что что-то не так услышала.

Как так самой уйти?

— Послушай, Марысенька... дай хлебца краюшку. Люблю я их.

— Сам бери.

— Что, гостя не обслужишь? Доверишь к тебе лезть в кладовку и дом изнутри травить?

Марыся скрипнула зубами. Она бы могла по спине...

И тогда она сама останется без дома. Одна. Сама она его не построит. Ей некуда подеваться.

Хлеб достала, срезала горбушку. Больше, что она может сделать для этой сволочи.

— Спасибо тебе, хорошая ты хозяйка. – Черномазенький разломал хлеб и с удовольствием откусил корочку. – Девоч ты не отдашь, это я знаю, ещё когда к тебе шёл. Убивать... не поверишь, но очень себе не хочу. Однако есть у тебя возможность и деревне помочь, и свою судьбу устроить.

— Деньгами купишь? Цацками? – Марыся цедила сквозь зубы; вряд ли это было видно, но она мелко-мелко дрожала.

— Зачем же? Деньги тебе нужны, но не примешь же. Я предлагаю тебе деревню. Семью. Детишек.

— Змеёнышей рожать?!

— А тебе разница есть? Дети всегда дети. Кто над козлёночком сегодня переживал?

— Так твой же его убил! И ты!..

— Ма-ры-ся. — Горюнуч наклонился над столом; а всё ж хорош, и ест аккуратно. — Вот что я тебе скажу: пути у тебя два. Сразиться со мной, помереть и деревню за собой утащить — это ты себе позволить не можешь. Ты добрая, потому и делаешь что ты делаешь. Или второе: ты устроишь свою судьбу, получишь семью, о которой мечтала, и избавишь деревню от моих детей.

— Так они потом приползут... когда вырастут...

— Ну, когда вырастут, тогда вырастут. И потом... у них не осталось матери. Неужто не будешь сама им присматривать невест? Будешь, ты мать хорошая. Просто пока не пробовала — возможности не было.

Марыся до крови прикусила губу.

— У меня детей не рóдится, — выдавила она. — Ты за пустой женой пришёл.

— Змеёныши всегда рóдятся, — ласково произнёс Горюнуч. — Ты для людей пустая — и связываться с ними тебе смысла нет. Детей не будет, а для каждого мужика ты просто вместо коровы. Большая, сильная...

— Так все так себе жён берут.

— Не все, голубушка. Не все.

Марыся тяжело молчала. В голове наполнилось мыслями, а глаза крепко смыкались.

— Вон пошёл, — прошипела она. — Хочешь сразиться — сразись. Ты нашёл, чем купить, но меня тебе не взять. Только мёртвой.

Горюнуч хмыкнул в бороду; красивые карие глаза блестели маслом, как камушки.

— Зря ты, Марыся, — наконец заговорил он. — Придёшь, я тебе слово даю, придёшь.

И провалился сквозь землю.

Марыся, не будь душой, бегом устремилась к колдуну; растолкала, сказала, так и так, приходил. Дело серьёзное, колдун сказал, что с петухами придёт к старшему, чтобы тот остальных предупредил.

— Но, — сказал колдун, — Марысь, я знаю, что тебе скажут. Они просто отдадут тебя. Ты бобылка, Марысь, никто за тебя свою дочь, жену, сестру не отдаст. И бой никто не даст.

— Дадут...

— Дали бы, другого выбора если бы не было. Марысь, ты одна. У тебя ни братьев, ни отца, ни мужа. На работы уходишь для себя. Кто за тебя встанет? Бабы?

— Ну бабы...

— А им какая с этого радость?

Марыся стояла молча; бабой она была не глупой и понимала, что колдун прав. Никто не встанет ей на защиту, некому. Даже если относятся хорошо, даже если замуж хотят взять – не настолько хотят. Деревня её не стоит.

— Ну, хорошо, всё равно скажи, – устало ответила Марыся. – Всё равно готовиться надо. Змея встретить.

— Сказать-то скажу. Жалко мне тебя, Марысь, но что я сделаю?

— На удачу...

— Нет у тебя удачи, Марыся. И я не дам. – Вздохнул с присвистом. – Бабой бы взял, хорошая ты.

— Но не взял. – Марыся повернулась, чтобы уйти. – Таких не берут.

— Не берут.

— И сейчас не возьмёшь? От змея спасти.

— А что ему брак? Агафья замужняя, и что толку? Думаешь, остановит?

Марыся промолчала.

Она не дура, не в этом дело.

Впрочем, сообщить никому колдун ничего не успел.

Утром пришёл Горюнуч. Марыся проснулась от криков, схватила топор и выскочила на улицу – расхристанная, как была. Огромная туша о двенадцати головах, выше деревьев, выше домов, огонь не пускала, а токмо слюну – чёрную, густую, как патока. Она падала каплями на землю и убивала её; падала на человека – и тот задыхался под ней, не в силах выбраться из ядовитой клейкой жижи, забивавшейся в нос и рот. Мужики окружили, нападали, но без толку: это змеёнышам голову оторвёшь топором, да и то бесполезно – эти же головы топором не возьмёшь, а к пузу не подберёшься; да и есть ли у него оно, пузо? Или это двенадцать змей, соединившиеся в узел? Они поднимались на нём, держа шею вверх, как никакая змея не способна. Змей хватал тела и перекусывал, а с клыков капал яд.

Что же, Горюнуч-то не соврал. И правда на бой пришёл.

— Стой!!! – Марыся бросилась; бабы убежали, хватали её за руки и юбку, но она решительно шла вперёд, приближаясь к мужикам. – Ладно, дёрт с тобой! Твоя взяла! Раз сказал, то бери!

Змей повернул все двенадцать чёрно-зелёных голов, и Марыся, приблизившись, увидела собачьи мохнатые лапы, а так же крылья – тоже в шерсти, как у кошек больных. Горюнуч направился к ней, и мужики расходились, держа топоры, косы и цепи; было видно, что змей по делу идёт, и никого хватать не собирается.

А, раз так, рисковать-то за чем. Дураков нет.

Двенадцать пар кошачьих глаз целиком направлены на Марысю. Блестящие, как камушки, будто маслом намаслены. Вспомнила она черномазенького, что ночью пришёл; как тогда за ним чудился змей, так и сейчас он чудился за крупнейшей тушей.

— Что, победил я, Марыся? Я ж говорил.

Змей схватил Марысю и улетел, а в деревне с тех пор даже змеи и то не водились.